

ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

ИЗОЛЯЦИОНИЗМ СОВЕТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ?
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ КАК МИГРАЦИЯ,
ТРАНСФОРМАЦИЯ И ЦИРКУЛЯЦИЯ ИДЕЙ

А. ЯСНИЦКИЙ

Данная статья завершает цикл работ, посвященных специфике изоляционизма советской психологии (Ясницкий А. // Вопросы психологии. 2010. № 3; 2011. № 1, № 6; 2012. № 1). Она подводит итоги исследования международных коммуникаций советских психологов, их отношений с местными покровителями и спонсорами науки, зарубежными коллегами, а также международного научного обмена, понимаемого как циркуляция научного знания. Идея циркуляции знания иллюстрируется на примере транснациональной истории психоневрологической дисциплины и социальной практики психогигиены.

Ключевые слова: международные контакты, научные коммуникации, неформальные системы личных знакомств, научный импорт, научный экспорт, реэкспорт, психогигиена, дисциплинарная история, транснациональная история.

Данная работа подводит итоги серии исследований международных коммуникаций советских психологов в виде заграничных конференций [18], их публикаций на иностранных языках в СССР и за рубежом [19], а также влияния на международные научные коммуникации взаимоотношений между учеными, покровителями (*patrons*) и спонсорами (*sponsors*) науки [17], и зарубежными научными сообществами [16]. Наше исследование приводит нас к выводу о несостоятельности несколько упрощенной истории о полной изоляции, вызванной репрессивным характером сталинского режима власти или ростом культурной самодостаточности и изоляционизма советского общества и науки в 1930-е гг. [2] (см. обсуждение этих двух подходов к проблеме изоляционизма в советской науке [17]). Перед нами предстает более объемная и сбалансированная картина международного положения советской науки в тот период. Не теряя из вида социокультурного своеобразия советской психологии, мы в то же время начинаем лучше видеть ее взаимосвязанность с

психологическими исследованиями в Западной Европе и Северной Америке и ее зависимость от международной научной практики.

В самом деле, западные ученые, порой с трудом понимавшие характерный марксистский сленг научного дискурса теоретической и общей психологии в Советском Союзе, отмечали при этом, к своему удивлению, принципиальное сходство западной и советской науки в ее практическом исполнении. Так, например, в своем обзоре советской психотехники и промышленной психологии (*industrial psychology*) в Советском Союзе, подготовленном на основе личных наблюдений во время восьмимесячного пребывания в стране в середине 1930-х [51], Моррис Вителес писал: «В свете декларируемых различий [между советской и буржуазной наукой] объем исследований, методы и достижения промышленной психологии в Советском Союзе ожидаемо должны отличаться от научных исследований, методов и достижений в *буржуазных* странах Европы и Америки. Однако на самом деле черты сходства гораздо более поразительны, чем

различия. Объем исследований в области промышленной психологии в СССР практически неотличим от объема исследований в других странах, включая исследования и практику профессионального отбора, профессиональной подготовки и понижения утомляемости на производстве, рационализации методов труда и использования механизмов, профилактики несчастных случаев на рабочем месте, и т.п.» [50; 86].

С этим описанием положения дел в психотехнических исследованиях в довоенный период перекликается краткий отчет Ж. Пиаже о его послевоенном визите в Советский Союз. Встретившись с представительной делегацией советских психологов на Международном психологическом конгрессе в Монреале (1954), он был официально приглашен посетить Советский Союз и уже в следующем году в составе делегации ученых из Франции и Швейцарии приехал с визитом в СССР. В Москве в разгар холодной войны (апрель 1955 г.) Ж. Пиаже, к своему удивлению, обнаружил большое число психологов, не уступавших по численности физиологам, и сделал доклад перед полной аудиторией заинтересованных и вполне компетентных слушателей. Описывая участвовавших в дискуссии советских ученых, Ж. Пиаже подчеркивал, что «эти психологи читают практически все, что появляется за границей, в особенности на французском и английском языках. Я был особенно потрясен, встретив русских коллег, читавших короткие статьи, содержание которых я к тому времени сам уже отчасти забыл. И если мне позволена будет критическая ремарка, то единственное замечание, которое у меня возникло в ходе моего визита или при анализе некоторых исследований, таких как, например, работа Костюка по детской психологии счета (*psychology of number*), это то, что некоторые советские авторы, по моему впечатлению, цитируют иностранных авторов реже, чем читают

их работы» [32; 344]¹. Сходный упрек в заимствовании идей и методов и при этом в отсутствии ссылок на западные исследования можно найти, к примеру, в рецензии на английскую публикацию книги Б.В. Зейгарник «Патология мышления» (1962), вышедшую в 1965 г. в английском переводе под названием «*The pathology of thinking*». Отдавая должное представленным в этой книге качественным (*qualitative*) описаниям разнообразных расстройств мышления у психиатрических пациентов, автор рецензии недоумевает по поводу отсутствия ссылок на, казалось бы, общеизвестные фундаментальнейшие зарубежные исследования, при том что эмпирические исследования базируются на классических западных наработках: «...все тесты, за исключением двух [с использованием методик опосредованного запоминания], представляют собой варианты тестов, используемых на Западе, включая модификации тестов на сортировку предметов, тесты на интерпретации пословиц, тесты на раскладывание картинок из батареи тестов Векслера—Бельвью, а также вариации юнговских тестов на словесные ассоциации» [52; 333].

Эти и другие примеры неатрибутированных цитат и заимствований из зарубежной научной литературы иллюстрируют специфический «этнос советской психологии», возникший в результате негласного «социального контракта» между наукой и властью (о гибриде советской науки и партийно-государственного аппарата, а также отношениях между советскими психологами и властью см. [17]). Этот специфический этнос, или же, по выражению авторов недавней полемической статьи, вышедшей в юбилейном сотом номере журнала «Новое литературное обозрение», «архетип советской психологии»

¹ Ср. утверждение Г.П. Щедровицкого о том, что «эксплуатируются работы Пиаже, его эксперименты, но не публикуют самого Пиаже» [15].

[21], начал складываться в начале 1930-х и окончательно оформился в период холодной войны в 1950–1960-е гг. Впрочем, не это важно. Важно другое: становится очевидно, что мы располагаем достаточными основаниями для рассмотрения советской психологии не только как «самобытной» и «глубоко своеобразной» науки, т.е. с точки зрения узко локальных и сугубо национальных событий и процессов, но и в ключе «транснациональной истории» (transnational history), основанной на анализе транснациональных научных сетей и систематического международного обмена научной информацией, поездок и миграций ученых, а также политики неакадемических организаций и институтов, в рамках и под эгидой которых вся эта транснациональная научная деятельность становилась возможной [27].

Транснациональная перспектива позволяет нам взглянуть в новом свете на целый ряд процессов и явлений в науке, таких как, например, переводные и иноязычные научные публикации, ранее предварительно изученные и описанные на материале публикаций советских психологов довоенной поры [19]: «Большое число переводных публикаций может быть понято только при условии, что они соотносятся со сложной сетью международных обменов между лицами, занимающими ключевые научные должности, обменов различными приглашениями, почетными докторскими званиями и т.п. Затем мы должны задать вопрос: как получается так, что какой-то конкретный автор или издатель становится импортером тех или иных конкретных идей? Почему автора X публикует издатель Y? Очевидно, что в результате такой публикации импортер получает какую-то определенную выгоду. Импортерами еретических мыслей становятся маргиналы в той или иной области, которые переносят идеи, признанные и авторитетные в смежной области, для усиления собственной позиции в своей области. Иностранных

авторов зачастую используют утилитарно и для решения таких задач, которые они сами, вероятно, отказались бы решать в своей собственной стране. Тем не менее именно таким образом иностранного автора часто можно использовать для атаки на своего соотечественника» [22; 223].

Следует подчеркнуть, что «транснациональный» подход к истории науки во все не отрицает исследования локальных историй — более того, он подразумевает такие исследования [31] с опорой на документальные свидетельства и материалы местных ведомственных, филантропических, правительственных, а в случае советской истории еще и богатейших партийных архивов, тем более что определенный массив архивных материалов советского периода был опубликован за годы «архивной революции» (см., напр., [1], [4], [8]; об «архивной революции» см. [6], [29], [56]). Процесс производства знания безусловно в значительной мере зависит от местного контекста и от отношений, выстраиваемых между наукой и ее покровителями и спонсорами в лице представителей власти или филантропических организаций [17]. Однако так же безусловно и то, что производство нового знания *в реальности* происходит при условии его миграции, постоянного международного обмена и обогащения теориями, дискурсами и практиками. При этом миграция знания из одного местного контекста в другой предстает не как механический перенос, а как избирательный и преобразующий процесс, в ходе которого содержание знания претерпевает изменения, и порой весьма значительные, а само знание постоянно и непрерывно «циркулирует» (circulation, looping) из одного местного контекста в другой и обратно [45]. Вместе с тем сами местные процессы и явления, очевидно, при этом следует понимать не как статичные и неизменные, а как динамически меняющиеся в ходе и в соответствии с трансформацией «экспортируемого» знания «циркулирующие

местные контексты» (circulatory localities). Обозначивший их таким образом Ив Коэн (Yves Cohen) подчеркивает, что «ничто не остается неизменным в процессе циркуляции, будь то идея, язык, человек, техническое приспособление, технология, способ организации или слово» [24; 27]² (о «циркуляции знания» см. также [42], [45]). Исключительно интересна история международного психогигиенического движения в качестве характерной иллюстрации многократного изменения знания в процессе его миграции и сопутствующего ему процесса трансформации местного контекста.

Психогигиеническое движение возникло в конце XIX в. в США как результат продолжительных интеллектуальных баталий между представителями целого ряда научных дисциплин и социальных практик: с одной стороны, традиционной психиатрии «домов призрения» (asylum psychiatry) и принудительной госпитализации психически больных, а с другой — новых, но стремительно развивавшихся научных дисциплин — неврологии и психологии. На стороне представителей новых научных дисциплин выступили и активисты прогрессивистских общественных движений (the Progressive movement, Progressive Era), таких как социальная работа (social work), представленная в то время добровольными обществами взаимопомощи (Charity Organization Societies) и зарождающимся движением за общественную медицину (public health) [35]. Тем не менее традиционно начало психогигиены ведут от публикации в 1908 г. книги Клиффорда Бирса (Clifford W. Beers) «Ум, который вновь обрел себя» («A mind that found itself»). Эта книга — история о душевной болезни и непрестом пути к выздоровлению, написанная чело-

веком, который в 1900–1903 гг. был пациентом психиатрической клиники, вызвала большой резонанс среди американских интеллектуалов и послужила толчком к консолидации движения и основанию в 1909 г. Национального комитета по психической гигиене (National Committee for Mental Hygiene), при непосредственном участии научных и общественных деятелей Клиффорда Бирса, Адольфа Майера (Adolf Meyer), Вильяма Джеймса (William James) и при финансовой поддержке филантропических организаций Генри Фиппса (Henry Phipps), Элизабет Андерсон (Elizabeth Milbank Anderson), Фонда Рокфеллера (Rockefeller Foundation) и др. [25].

В том же 1909 г. произошло событие, которому суждено было оказать значительное влияние на направление развития психогигиенического движения. По приглашению Г. Стенли Холла³, З. Фрейд совершил трансатлантическое путешествие вместе с группой своих сторонников и единомышленников и прочитал серию лекций в Кларкском университете. Идеи З. Фрейда о развитии неврозов и психозов на основе детских переживаний и ранних травматических впечатлений упали на богатую почву и дали начало не только долгому и продуктивному союзу движения «прогрессивного образования» (progressive education movement) и науки о ребенке и детском развитии, но и социальной, профилактической и превентивной медицине. Все эти различные инициативы и составили основу инновации, поднятой на знамена психогигиенического движения [23], [35].

То новое, что принесло с собой психогигиеническое движение, может быть

² В оригинале: «No entity remains unaffected in circulation, whether this entity is an idea, a language, a person, a technical object, know-how, a mode of organization, or a word».

³ Г. Стенли Холл (Granville Stanley Hall) — один из основателей и первый президент (1892) Американской психологической ассоциации (American Psychological Association), первый президент (ректор) Кларкского университета в 1889–1920 гг. (Clark University), ученик В. Джеймса и основатель науки о ребенке (педологии).

рассмотрено как с позиции собственно психиатрии, так и в более широком социальном контексте. С точки зрения психиатрии психогигиенисты настаивали на смещении акцента с лечения душевнобольных на предотвращение душевной болезни как таковой, на введении профилактических мер в духе превентивной медицины, опирающейся на систему диспансеров и амбулаторий. Таким образом, душевный недуг начал рассматриваться не как результат нарушения работы физического тела, что было характерно для соматической психиатрии, а как расстройство личности (personality), что для психиатрии с неизбежностью повлекло за собой поворот к изучению социальных условий возникновения психозов и неврозов.

Очевидно, что такая задача не могла быть решена силами одних лишь психиатров, из чего следует необходимость кооперации специалистов-психиатров, психологов и социальных работников, их участия в междисциплинарных исследованиях и совместных лечебных мероприятиях. Союз психиатров, психологов и социальных работников в рамках психогигиенического движения под эгидой Национального комитета по психической гигиене (National Committee for Mental Hygiene, NCMH), в 1930-е гг. пополнился представителями Ассоциации прогрессивного образования (Progressive Education Association, PEA), с энтузиазмом поддержавшими инициативу психогигиенистов, что привело в конечном счете к таким глубинным и фундаментальным изменениям представлений о педагогике и образовании в США, которые можно охарактеризовать как «медикализация» (medicalization) всей системы американского народного образования [23].

Вскоре после своего официального основания движение стало набирать обороты. Так, в 1917 г. в Соединенных Штатах был основан журнал «Mental Hygiene», ставший рупором движения в Северной Америке, а к началу 1920-х гг. психогигиеническое движение распространилось

и институционализировалось в Западной Европе: по инициативе Эдуарда Тулуза (Édouard Toulouse) в 1918 г. был основан Комитет по психической гигиене (le Comité d'Hygiène Mentale), а в 1921 г. — Французская лига профилактики и психической гигиены (Ligue Française de Prophylaxie et d'Hygiène Mentale, впоследствии переименована в Ligue Française d'Hygiène Mentale, LFHM). В 1925 г. во Франции начал выходить журнал «L'Hygiène mentale». Под эгидой Французской лиги прошли две конференции по психогигиене в Париже в 1922 и в 1927 гг. В мае 1930 г. в Вашингтоне прошел Первый международный конгресс по психической гигиене (First International Congress on Mental Hygiene), ставший своего рода «смотром достижений мирового психогигиенического движения» [13; 752].

Именно на этом конгрессе состоялась встреча советской и американской психогигиены, возможно и не первая, но в своем роде решающая. Задолго до этого Лев Маркович Розенштейн, будущий лидер психогигиенического движения в Советском Союзе, слушал доклад А. Майера о путях развития психиатрии и участвовал в его обсуждении на Международном конгрессе врачей (International Congress of Physicians) в Лондоне в 1913 г. и, по его собственному признанию в 1931 г., остался убежден в правильности взглядов А. Майера и американских психогигиенистов ([38], см. также [44]). Интересно посмотреть, как развивались идеи и представления американских реформаторов в советских условиях между двумя знаменательными конгрессами 1913 и 1930 гг.

Советская психогигиена как самостоятельная область знания и общественной практики имеет свои корни в земском движении врачей в России и в движении социальной профилактики в Германии конца XIX в. Тем не менее американский пример был, пожалуй, определяющим для становления психогигиены в СССР

после революции [58]. По возвращении в Россию Л.М. Розенштейн, видимо, вдохновленный идеями А. Майера, развернул активную деятельность по реализации американской модели реформы психиатрии: «...еще в 1914 г. он начал пропагандировать профилактическую психиатрию как средство борьбы с алкоголизмом, а также самоубийствами, которые, как считали, достигли размеров эпидемии в период реакции» и организовал амбулаторию для предрасположенных к нервным болезням и алкоголизму [14]⁴. Тем не менее подлинный расцвет карьеры Л.М. Розенштейна и психогигиенического движения на русской почве приходится на послереволюционные годы и непосредственно связан с реформами национальной системы здравоохранения под патронажем Наркомздрава и лично наркома РСФСР Н.А. Семашко. Можно по-разному оценивать успехи психогигиенического движения в СССР в 1920–1930-х гг. С одной стороны, благодаря огромной энергии лидеров советской психогигиены и значительной поддержке их инициатив со стороны власти к началу 1930-х гг. в стране развернулась сеть научно-исследовательских и медицинских заведений⁵. С другой стороны, успехи Л.М. Розенштейна и его единомышленников оставались весьма скромными, и в начале 1930-х гг. лидеры советской пси-

хогигиены не могли скрыть своего разочарования темпами развития этой дисциплины: «За истекшие годы советское психогигиеническое движение, хотя и не приняло характера массового движения и не вышло за пределы органов здравоохранения, крайне недостаточно охватив наши детские контингенты, тем не менее, в области организации психопомощи достигло широкого развертывания внебольничной помощи, в первую очередь охватив большие массы т.н. “пограничников”, а кроме того выработав свои отличные как по установкам, так и по методам формы психогигиенической работы» [13; 753]. И все же следует признать, что психогигиенический проект был реализован в СССР в таких объемах и с таким ошеломительным успехом, какой даже и не снился психогигиенистам в США, где движение развивалось с наибольшим размахом среди всех ведущих индустриально развитых стран.

Идеи американского психогигиенического движения, в конечном счете ставящего своей целью трансформацию общества, его институтов и практик, будучи «импортированы» в Советский Союз, не только сыграли заметную роль в социальных преобразованиях, но и, столкнувшись с местными традициями и определенными социально-экономическими условиями, сами претерпели определенные трансформации. Авангардное для североамериканских условий, психогигиеническое движение в СССР стало лишь одним из ручейков, вливавшихся в могучий поток идей и практик, который вовлек в себя практически все советское общество и в первую очередь представителей зарождающейся советской интеллигенции, увлеченной задачами построения «нового общества» и воспитания «нового человека». Так, психогигиена Л.М. Розенштейна и его единомышленников может быть понята только в контексте и как составная часть программы развития социальной гигиены – системы идей и практик, в основе своей не отличимых от

⁴ Здесь и ниже текст И.А. Сироткиной цитируется по электронной версии, доступной по адресу: URL: <http://vivovoco.rsl.ru/VV/JOURNAL/VIET/SIROTK.NTM>.

⁵ Ср.: «В начале 1930-х гг. в СССР существовали институты психопрофилактики в Ростове, Горьком, Перми, Областной кабинет социальной психиатрии и психогигиены в Москве, Институт социальной психоневрологии и психогигиены Всеукраинской психоневрологической академии, НИИ невро-психиатрической профилактики в Москве, были открыты кафедры социальной психиатрии и психогигиены в Центральном институте усовершенствования врачей в Москве (Розенштейн) и Психоневрологическом институте в Харькове (Л.Л. Рохлин)» [14].

идей американской психогигиены, но не ограничивающейся сферой психиатрии и проблемами лечения и предотвращения психических заболеваний. Впрочем, справедливости ради следует подчеркнуть, что и советская психогигиена не замыкалась на психиатрии в своих программных заявлениях, но в реальности была существенно ограничена в своем развитии как сильным сопротивлением консервативных психиатров традиционных направлений, так и бюджетными проблемами и нехваткой финансирования, требуемого для реализации всех амбициозных планов. Другим фактором, ограничивающим развитие и институционализацию психогигиены в СССР как самостоятельного движения, было, как это ни парадоксально, именно то обстоятельство, что революционные, условно говоря, «психогигиенические» идеи были исключительно популярны в широких слоях общества и поддерживались руководством государства на самом высоком уровне.

Так, идеи интеграции биологических и социальных наук в медицине и здравоохранении и их «социологизации» и «психологизации» нашли свое прямое воплощение в программе развития *социальной гигиены* [46]–[48]. Те же самые идеи находили свою реализацию в *гигиене труда*, области прикладных исследований и социальных практик, развивавшихся в ключе социальной гигиены, но в приложении к задачам охраны труда и борьбы с профессиональными заболеваниями (так называемыми профвредностями и профзаболеваниями) [43]. Задачи исследования и практики гигиены труда пересекались, в свою очередь, с задачами *психотехнического движения* в СССР, представленного разветвленной сетью организаций, которые объединились в 1927 г. во Всероссийское (позднее – Все-союзное) общество психотехники и прикладной психофизиологии (ВОПиПП) под официальным руководством И.Н. Шпильрейна. Фактически тот же самый проект социобиологической науки о ребенке

и детском развитии был реализован по инициативе А.Б. Залкинда под названием *педология*⁶. Несколько особняком стоят очень интересные исследования взаимодействий между пациентом и врачом и их влияния на процесс лечения, выполненные в том же самом общем ключе и иллюстрирующие процессы «психологизации» представлений о медицинской профессии. Так, позитивное влияние слова врача на пациента изучалось немногочисленными представителями *психотерапии* преимущественно в Харькове и Ленинграде (см., напр., [11]). С ними перекликались исследования явления ятрогении (негативного влияния врача на здоровье пациента), *отрицательной психотерапии* [5], подчеркивавшие принципиально важную роль личности врача, влияние психических факторов и установок пациента на формирование внутренней, субъективной картины болезни у больного и, в конечном счете, на его выздоровление [9].

Очевидны пересечение интересов и диалог между представителями этих разных и в то же время принципиально очень схожих дисциплин и направлений исследований, различавшихся зачастую лишь объектами изучения, сферами применения в определенном сегменте народного хозяйства, а также системой взаимоотношений и договоренностей между конкретными лидерами (*spokesmen*) (например, Л.М. Розенштейном, А.Б. Залкиндом, И.Н. Шпильрейном и другими) и покровителями конкретных дисциплин и движений (например, наркомом здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко, наркомом просвещения РСФСР А.В. Луначарским или управляющим делами Совнаркома СССР

⁶ Официальный лидер советского психогигиенического движения Л.М. Розенштейн так характеризовал взаимоотношения между психогигиеной и педологией: «Педологическое движение по своей сущности поглощает в себе психогигиену возрастов воспитания, являясь профилактической силой для нервнопсихического здоровья» [12; 29].

Н.П. Горбуновым). Тем не менее принципиальное сходство между этими разными дисциплинарными проектами обеспечивалось их общими социобиологическими установками и общим набором определенных экспериментально-практических методов, таких как, например, методы анкетирования и тестирования. Их объединяла также и потребность в общей психологической теории, по наблюдению Л.С. Выготского, исходившая в середине 1920-х гг. гораздо в большей степени от специалистов в прикладных областях психоневрологических исследований, чем от самих психологов [3].

Таким образом, конкуренция за финансирование и «междвидовая борьба внутри комплекса прикладных психоневрологических дисциплин и научных теорий среднего уровня» ([21; 341], см. также [7]) существовала, пожалуй, лишь на уровне научного администрирования и государственной научной политики. В то же время можно, пожалуй, говорить о сравнительно мирном сосуществовании, кооперации и интенсивном взаимном обмене между представителями разных дисциплин на низовом уровне конкретных психоневрологических и медикобиологических исследований и теоретических разработок в их прикладном применении в народном хозяйстве страны. Именно в этом смысле следует понимать утверждение о том, что американская психогигиена, «импортированная» Советским Союзом и трансформированная там в соответствии с местными и заимствованными интеллектуальными традициями, социальными запросами и организационными возможностями науки, к началу первой пятилетки и культурной революции получила в советских условиях свое беспрецедентно широкое развитие далеко за пределами психогигиенического движения в США. Именно таким был образ советской психогигиены, «реэкспортированный» на Запад в 1930 г., когда советские ученые прибыли в Соеди-

ненные Штаты на I Международный конгресс по психогигиене (First International Congress on Mental Hygiene) с докладами о положении дел в советских психоневрологических науках ([28], [39], [41], см. также [36]–[38], [40]).

Между тем американское психогигиеническое движение в начале 1930-х гг., несмотря на ряд убедительных успехов, переживало не лучшие свои дни. Великая депрессия — разразившийся в конце 1929 г. экономический кризис, который обрушил рынки ценных бумаг и ознаменовался обвалом национальных экономик во всех индустриально развитых государствах Запада, — ощутимо сказалась не только на экономике, но и на интеллектуальных движениях Запада. Так, Советский Союз, оставшийся, как правило, любопытной диковинкой для американских интеллектуалов на протяжении всего десятилетия 1920-х гг., в это время стремительно входит в круг интересов американской интеллигенции, разочарованной положением дел в Америке эпохи кризиса десятилетия 1930-х гг. Плановость советской экономики первых пятилеток выступает символом стабильности и надежности, которых так не хватало на Западе: поток неизменно хвалебных публикаций американских авторов о Советском Союзе захлестывает Соединенные Штаты в 1931–1932 гг. и постепенно спадает на протяжении предвоенного десятилетия. К концу 1930-х гг. разочарование «советским экспериментом» становится ощутимым, а восторженные отзывы о Советском Союзе начинают уравниваться критикой бюрократизации советского делопроизводства, голода, государственного террора, политически мотивированных судебных процессов и обстановки страха в стране. Тем не менее для американских интеллектуалов довоенного десятилетия, несмотря на все недостатки реализации социалистического проекта в СССР, советский эксперимент продолжал оставаться примером альтернативного ва-

рианта государственного устройства и символом колоссальных возможностей социализма. Применительно к науке с середины 1930-х гг. щедрое финансирование научных исследований в Советском Союзе все чаще упоминается американскими учеными и общественными деятелями в контексте растущей волны призывов к увеличению государственной поддержки национальной науки, адресованных американской общественности, филантропическим организациями и в конечном счете — правительству страны. И хотя для консервативных американских ученых было характерно несколько сдержанное отношение к достижениям советской науки в целом, престиж определенных направлений советских естественных, биологических, медицинских и психоневрологических наук в Соединенных Штатах был вполне ощутим [30]. К их числу безусловно относится и советская междисциплинарная социобиологическая психоневрология и ее практические приложения в образовании и здравоохранении.

В июне 1933 г. по приглашению сотрудников и администрации Всеукраинской психоневрологической академии в Харькове (УПНА) (о ранней истории УПНА см. [20], [57]) в Советский Союз приехал с визитом президент Американской ассоциации психиатров и один из лидеров американской психогигиены А. Майер. В ходе визита он сделал несколько докладов о своей концепции психобиологии и ее применении в психиатрии. В то же время увиденное в Советской Украине — А. Майер побывал в Харькове и Одессе — произвело на него огромное впечатление, как следует из его интервью местной газете «Вісті» и из письма президенту УПНА Е.С. Затонской от 27 июня 1933 г., опубликованного в журнале «Советская психоневрология». В этом письме А. Майер пишет: «Я глубоко благодарен за поучительную и могущую служить стимулом демонстрацию вашей единственной в своем роде организации и многочисленных, необычайно важных, созданных

вами учреждений, которые в условиях направления советского мышления нашли оформление такого размаха... Этот месяц был для меня так полон новыми идеями, обменом опытом и всем виденным, что я считаю его за самое концентрированное и благодарное переживание психиатра и человека за всю мою более чем 40-летнюю работу в области психиатрии... Хочу надеяться, что это можно будет считать за начало дальнейшего контакта» [10; 157]⁷. Так, через 20 лет после исторической конференции в Лондоне, на которой Л.М. Розенштейн познакомился с идеями А. Майера, с чего, собственно, и началось российское, а затем и советское психогигиеническое движение, уже сам А. Майер приезжает в Советскую Украину, отмечает новые для себя идеи и восхищается достижениями советских коллег. А. Майер был в то время далеко не единственным американским психогигиенистом, восхищавшимся достижениями единомышленников в Советском Союзе. Популярность «советского проекта» среди американских психогигиенистов была вызвана не только успехами советской экономики в эпоху кризиса, но также и далеко не в последнюю очередь внутренними проблемами развития психогигиенического движения в США.

Сравнительно мирное сосуществование традиционной соматической, «медицинской психиатрии» и психогигиены как новой, «социальной психиатрии» к началу 1930-х гг. в Соединенных Штатах подошло к концу. Визит А. Майера в Советский Союз проходил на фоне усиления группы представителей «медицинской психиатрии», противопоставлявшей естественнонаучные методы изучения и

⁷ Переписка А. Майера с харьковскими коллегами, занимавшими видные административные должности в Украинской психоневрологической академии — Е.С. Затонской, А.И. Геймановичем, Л.Л. Рохлиным и А.Р. Лурией, — хранится в архиве медицинских институтов Джонса Хопкинса (Medical Archives of the Johns Hopkins Medical Institutions).

лечения психиатрических заболеваний его биопсихологической концепции, в которой душевный недуг представлялся как неустроенность (*maladjustment*), проистекающая из социального окружения индивида и проявляющаяся в его неспособности адаптироваться к меняющимся внешним обстоятельствам. В то же время с начала 1930-х гг. концепция А. Майера подверглась критике и со стороны радикальных психогигиенистов.

Американское психогигиеническое движение, с самого своего основания ставившее во главу угла средовые и социальные факторы в происхождении и лечении психиатрических заболеваний, было в принципе предрасположено к социалистическим идеям. В годы Великой депрессии среди психогигиенистов растет разочарование в эффективности психогигиенических мер в условиях экономического кризиса. В самом деле, психогигиеническая практика в Соединенных Штатах проводилась, как правило, в виде ряда индивидуальных психотерапевтических мероприятий под сильным влиянием фрейдовского психоанализа. Экономический кризис и сопутствующие ему стресс, утрата жизненных ориентиров, фрустрация и психологическая депрессия сводят на нет все усилия психогигиенистов. Разочарование в индивидуальных терапевтических и психогигиенических мерах подталкивает ряд психогигиенистов к шагу, который выглядит вполне в логике дальнейшего развития психогигиенического проекта: если не удастся противостоять социальным причинам болезни, то не следует ли устранить эти причины в самом обществе?

Этот призыв к переделке общественного устройства обозначил тот «политический поворот» в психогигиеническом движении начала 1930-х гг., который в наиболее яркой форме нашел свое воплощение в деятельности Фрэнквуда Вильямса (*Frankwood E. Williams*) (1883–1936) [33], [34]. Медицинский директор Национального комитета

по психической гигиене (*medical director of the National Committee for Mental Hygiene*) с 1922 по 1931 г., Ф. Вильямс был одним из наиболее активных организаторов I Международного конгресса по психической гигиене в Вашингтоне (1930). Среди прочего он председательствовал на сессии по международной психогигиене (*World view of mental hygiene*) и специальной сессии, посвященной развитию психогигиены в Советском Союзе (*Mental hygiene activities in Russia (U.S.S.R.)*), на которой были заслушаны доклады о положении дел в советской психогигиене в системе здравоохранения (Л.М. Розенштейн, доклад озаглавлен «*The development of mental hygiene in the Soviet Union as a public-health measure*») и в области детского и подросткового развития (А.Б. Залкинд с докладом «*The fundamentals and the practice of mental hygiene in adolescence and youth in Soviet Russia*») (см. [53]). Идеи советских психоневрологов о прогрессе советского общества и науки упали на благодатную почву: уже в следующем, 1931 г. Ф. Вильямс предпринял поездку в Советский Союз и в качестве гостя и наблюдателя принял участие в VII Международном психотехническом конгрессе в Москве. Вслед за этим последовали поездки в СССР в 1932, 1935 и 1936 гг. и публикации неизменно восторженных статей и книг Ф. Вильямса о советском быте, общественном устройстве и феноменальных успехах прикладной психоневрологии с точки зрения задач воспитания подрастающего поколения и преодоления нервных и психических заболеваний на стадии их возникновения [54], [55].

Таким образом, Ф. Вильямс осуществляет «реэкспорт» американской психогигиены, но уже в ее советской версии.

⁸ Доклады были переведены и прочитаны Дж. Казаниным (*Dr. Jacob Kasanin*). В том же 1930 г. Дж. Казанин предпринял поездку в СССР, где и познакомился с Л.С. Выготским, его окружением и исследованиями в духе теории культурного развития высших психологических функций.

Строго говоря, для Ф. Вильямса «импорт» советской психогигиены неотделим как от «импорта» достижений широкого круга советских психоневрологических дисциплин, так и от пропаганды советского образа жизни: в отличие от США, подчеркивает Ф. Вильямс, советская психогигиена не сконцентрирована в определенных клиниках, центрах и кабинетах, а интегрирована в повседневную социальную практику. В результате такой интеграции психогигиенической идеологии в повседневную жизнь в Советском Союзе в соответствии с задачами социалистического проекта создания «нового человека» можно наблюдать процессы, свидетельствующие об изменении самой природы человека, в первую очередь его психологии. В России, рассуждает Ф. Вильямс, так же как и в Америке, в основе человеческого поведения лежат открытые в практике психоанализа глубинные психологические явления и процессы, например, эдипов комплекс, страх кастрации, анально-эротические комплексы или комплекс неполноценности. Однако в Советской России происходит что-то такое, в результате чего, по утверждению Ф. Вильямса, поведение людей существенно отличается от поведения американцев, и создается впечатление, что сила влияния этих глубинных подсознательных процессов на человеческое поведение гораздо слабее, чем в странах капитализма [54; 149]. Подтверждением тому — существенный спад числа психиатрических заболеваний в СССР в 1930-е гг. Так, Ф. Вильямс ссылается на слова Л.М. Розенштейна, который в частной беседе рассказывал ему о том, что в течение трех месяцев не мог найти по всем московским клиникам маниакально-депрессивного пациента для демонстрации своим студентам [54; 139]. При этом весьма примечательно, что Ф. Вильямс, судя по его публикациям, осознанно или подсознательно, не замечает того обстоятельства, что психогигиеническое движение в Советском Союзе, как, впрочем,

и все смежные дисциплины, движения и практики, в том числе социальная гигиена, гигиена труда, психотехника, педология и психология, с начала 1930-х гг. переживают период кризиса, а основная масса научных и медицинских работников вовлекаются в ритуальные публичные дискуссии, критику крайностей «механицизма» и «меньшевистствующего идеализма» и публичные признания собственных ошибок. Очевидно, что советский эксперимент интересует Ф. Вильямса прежде всего в контексте положения дел в американской прикладной психологии и психиатрии, и именно западной аудитории адресованы его призывы к изменению общественного устройства по советскому образцу.

Дальнейшая история циркуляции «психогигиенических» идей между Европой и Америкой остается за рамками этой статьи. Для нас же сейчас достаточно подытожить этот эпизод «транснациональной истории» психогигиены следующим заключением: производство идей неразрывно связано как с местными контекстами (научными традициями, социальными институтами, отношениями с покровителями и спонсорами науки, карьерами научных деятелей и т.п.) [17], так и с непрерывной «циркуляцией идей» в международном и национальном контексте коммуникаций внутри сетей неформальных личных знакомств и контактов ученых [16]. Упуская из виду это обстоятельство, мы рискуем продолжать оставаться в плену историй об «исключительной» и «самобытной» изолированной отечественной науке, а на самом деле включенной в международный контекст постоянного обмена, трансформации и развития научных идей.

*

Задача реконструкции «транснациональной» истории советской психологии совсем не проста и весьма амбициозна. Тем не менее очевидны и выгоды от по-

добной смены «исследовательской оптики»: новый взгляд на советскую науку как на интегральную часть международного процесса производства теорий, дискурсов и практик поможет нам в конечном счете провести адекватную оценку (и переоценку) содержания тех или иных психологических теорий советского периода и реального места этих теорий как в истории науки, так и в повестке дня современных психологических исследований.

Иными словами, самоизоляция не столько самой психологии, сколько ее историографии должна быть преодолена, и, думается, уже в ближайшее время мы станем свидетелями появления целой серии новых междисциплинарных и транснациональных исторических исследований. Тем более что отменные образцы транснациональной интеллектуальной историографии психологии у нас уже есть (см., напр., [26], [49]).

1. *Адибеков Г.М., Андерсон К.М., Роговая Л.А.* Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б): повестки дня заседаний 1919–1952. М.: РОССПЭН, 2000.
2. *Александров Д.А.* Почему советские ученые перестали печататься за рубежом: становление самодостаточности и изолированности отечественной науки, 1914–1940 // *Вопр. истории естествознания и техники.* 1996. № 3. С. 3–24.
3. *Выготский Л.С.* Исторический смысл психологического кризиса. Методологическое исследование // *Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1: Вопросы теории и истории психологии.* М.: Педагогика, 1927/1982. С. 291–436.
4. *Есаков В.Д., Осипов Ю.С.* Академия наук в решении Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС, 1922–1991. М.: РОССПЭН, 2000.
5. *Каннабих Ю.В.* К профилактике одной из форм реактивной (иатрогенной) депрессии // *Профилактика нервных и психических заболеваний / Ред. Давыденков С.Н., Розенштейн Л.М. М.: Изд-во Мосздравотдела, 1929. С. 75–88.*
6. *Козлов В., Локтева О.* «Архивная революция» в России (1991–1996) // *Свободная мысль.* 1997. № 1, 2, 4.
7. *Кременцов Н.Л.* Принцип конкурентного исключения // *На переломе: советская биология в 20-х – 30-х гг. Вып. 1 / Под ред. Э.И. Колчинского.* СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 1997. С. 107–164.
8. *Куманев В.А., Панцирев Ю.А.* Международные научные связи Академии наук СССР: 1917–1941. М.: Наука, 1992.
9. *Лурия Р.А.* Внутренняя картина болезни и иатрогенные заболевания. М.; Л.: Гос. изд-во биологической и медицинской литературы, 1935.
10. *Майер А.* Письмо президента Американской ассоциации психиатров профессора Адольфа Майера президенту Всеукраинской психоневрологической академии Е.С. Затонской // *Советская психоневрология.* 1933. Т. 9. № 6. С. 157.
11. *Психотерапия: Сборник статей / под ред. проф. К.И. Платонова.* Харьков: Гос. изд-во Украины, 1930. (Украинский психоневрологический институт. Труды. Т. XIV).
12. *Розенштейн Л.М.* Психиатрия и профилактика нервно-психического здоровья // *Профилактика нервных и психических заболеваний / Ред. Давыденков С.Н., Розенштейн Л.М. М.: Изд-во Мосздравотдела, 1929. С. 5–34.*
13. *Розенштейн Л., Рохлин Л., Эдельштейн А.* Психогигиена // *БМЭ. Т. 27 / Под ред. Н.А. Семашко.* М.: Гос. словарно-энциклопедическое изд-во «Советская энциклопедия», 1933. С. 749–762.
14. *Сироткина И.Е.* Психопатология и политика: становление идей и практики психогигиены в России // *Вопр. истории естествознания и техники.* 2000. № 1. С. 154–177.
15. *Щедровицкий Г.П.* Я всегда был идеалистом... М.: Путь, 2001.
16. *Ясницкий А.* Изоляционизм советской психологии? Неформальные личные связи ученых, международные посредники и «импорт» психологии // *Вопр. психол.* 2012. № 1. С. 100–112.
17. *Ясницкий А.* Изоляционизм советской психологии? Ученые, «импорт–экспорт» в науке и власть // *Вопр. психол.* 2011. № 6. С. 108–121.
18. *Ясницкий А.* Об изоляционизме советской психологии: зарубежные конференции 1920–30-х гг. // *Вопр. психол.* 2010. № 3. С. 101–112.
19. *Ясницкий А.* Об изоляционизме советской психологии: научные публикации 1920–30-х гг. // *Вопр. психол.* 2011. № 1. С. 124–136.
20. *Ясницкий А.* Очерк истории Харьковской школы психологии: период 1931–1936 гг. // *Культурно-историческая психология.* 2008. № 3. С. 92–102.
21. *Ясницкий А., Завершнева Е.* Об архетипе советской психологии как научной дисциплины и социальной практики // *Нов. лит. обозр.* 2009. № 100. С. 334–355.

22. *Bourdieu P.* The social conditions of the international circulation of ideas // Shusterman R. (ed.). *Bourdieu: A critical reader*. Oxford: Blackwell, 1999. P. 220–228.
23. *Cohen S.* The mental hygiene movement, the development of personality and the school: The medicalization of American education // *History of Education Quart.* 1983. V. 23. N 2. P. 123–149.
24. *Cohen Y.* Circulatory localities: The example of Stalinism in the 1930s // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2010. V. 11. N 1. P. 11–45.
25. *Dain N.* Clifford W. Beers: Advocate for the insane. Pittsburgh: Univ. of Pittsburgh Press, 1980.
26. *Danziger K.* Constructing the subject: Historical origins of psychological research. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1990.
27. *Heilbron J., Guilhot N., Jeanpierre L.* Toward a transnational history of the social sciences // *J. of the History of the Behavioral Sciences*. 2008. V. 44. N 2. P. 146–160.
28. *Jouchtchenko A.J.* [Report on mental hygiene in the Ukraine] // Williams F.E. (ed.). *Proceedings of the First International Congress on Mental Hygiene* N.Y.: International Committee for Mental Hygiene, 1930/1932. V. 1. P. 134–135.
29. *Khlevniuk O.* Stalinism and the Stalin period after the «archival revolution» // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2001. V. 2. N 2. P. 319–327.
30. *Kuznick P.J.* Beyond the laboratory: Scientists as political activists in 1930s America. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1987.
31. *Ophir A., Shapin S.* The place of knowledge: A methodological survey // *Science in Context*. 1991. V. 4. N 1. P. 3–21.
32. *Piaget J.* Some impressions of a visit to Soviet psychologists // *The Amer. Psychologist*. 1956. V. 11. N 7. P. 343–345.
33. *Pols H.* Divergences in American psychiatry during the Depression: Somatic psychiatry, community mental hygiene, and social reconstruction // *J. of the History of the Behavioral Sciences*. 2001. V. 37. N 4. P. 369–388.
34. *Pols H.* Frankwood E. Williams (1883–1936) // *Amer. J. of Public Health*. 2007. V. 97. N 4. P. 618.
35. *Quen J.M.* Asylum psychiatry, neurology, social work and mental hygiene: An exploratory study in interprofessional history // *J. of the History of the Behavioral Sciences*. 1977. V. 13. N 1. P. 3–11.
36. *Rochlin L.* College mental hygiene in the Ukraine (U.S.S.R.) // *Mental Hygiene*. 1930. V. 14. N 3. P. 661–71.
37. *Rosenstein L.* The development of mental hygiene in Russia (USSR) // *Mental Hygiene*. 1930. V. 14. N 3. P. 644–647.
38. *Rosenstein L.* Public health service and mental hygiene in the USSR // *Mental Hygiene*. 1931. V. 16. N 4. P. 739–743.
39. *Rosenstein L.M.* The development of mental hygiene in the Soviet Union as a public-health measure // Williams F.E. (ed.). *Proceedings of the First International Congress on Mental Hygiene* N.Y.: International Committee for Mental Hygiene, 1930/1932. V. 1. P. 145–148.
40. *Salkind A.B.* The fundamentals and practice of mental hygiene in adolescence and youth in Soviet Russia // *Mental Hygiene*. 1930. V. 14. N 3. P. 647–649.
41. *Salkind A.B.* The fundamentals and the practice of mental hygiene in adolescence and youth in Soviet Russia // Williams F.E. (ed.). *Proceedings of the First International Congress on Mental Hygiene*. N.Y.: International Committee for Mental Hygiene, 1930/1932. V. 1. P. 148–150.
42. *Secord J.A.* Knowledge in transit // *Isis*. 2004. V. 95. N 4. P. 654–672.
43. *Siegelbaum L.H.* Okhrana truda. Industrial hygiene, psychotechnics, and industrialization in the USSR // Solomon S.G., Hutchinson J.F. (eds). *Health and Society in Revolutionary Russia*. Bloomington; Indianapolis: Indiana Univ. Press, 1990. P. 224–245.
44. *Sirotkina I.* Diagnosing literary genius. A cultural history of psychiatry in Russia, 1880–1930. Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press, 2002.
45. *Solomon S.G.* Circulation of knowledge and Russian locale // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2008. V. 9. N 1. P. 9–26.
46. *Solomon S.G.* Social hygiene and Soviet public health, 1921–1930 // Solomon S.G., Hutchinson J.F. (eds). *Health and Society in Revolutionary Russia*. Bloomington; Indianapolis: Indiana Univ. Press, 1990. P. 175–199.
47. *Solomon S.G.* Social hygiene in Soviet medical education, 1922–30 // *J. of the History of Medicine and Allied Sciences*. 1990. V. 45. N 4. P. 607–643.
48. *Solomon S.G.* The limits of government patronage of sciences: Social hygiene and the Soviet state, 1920–1930 // *Social History of Medicine*. 1990. V. 3. N 3. P. 405–435.
49. *Valsiner J., Van der Veer R.* The social mind: Construction of the idea. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2000.
50. *Viteles M.S.* Industrial psychology in Russia // *Occupational Psychol.* 1938. V. 12. N 2. P. 85–103.
51. *Viteles M.S.* Morris S. Viteles // Boring E.G., Lindzey G. (eds). *A history of psychology in autobiography* V. 5. N.Y.: Appleton-Century-Crofts, 1967. P. 417–500.
52. *Wender P.H.* Book review. Zeigarnik, Blyuma Vul'fovna (Haigh, B., trans.). *The Pathology of*

- Thinking. Consultants Bureau, New York, 1965 // The J. of Nervous and Mental Disease. 1967. V. 144. N 4. P. 333–334.
53. *Williams F.E.* (ed.). Proceedings of the First International Congress on Mental Hygiene. N.Y.: International Committee for Mental Hygiene, 1930/1932. V. 1.
54. *Williams F.E.* Russia, youth, and the present-day world. Further studies in Mental Hygiene. N.Y.: Farrar & Reinhart, 1934.
55. *Williams F.E.* Soviet Russia fights neurosis. L.: Routledge, 1934.
56. *Yasnitsky A.* «Archival revolution» in Vygotskian studies? Uncovering Vygotsky's archives // J. of the Russian and East European Psychol. 2010. V. 48. N 1. P. 3–13.
57. *Yasnitsky A., Ferrari M.* From Vygotsky to Vygotskian psychology: Introduction to the history of the Kharkov school // J. of the History of the Behavioral Sciences. 2008. V. 44. N 2. P. 119–145.
58. *Zajicek B.* Scientific psychiatry in Stalin's Soviet Union: The politics of modern science and the struggle to define «Pavlovian» psychiatry, 1939–1953: Unpublished Ph.D. dissertation. Chicago: University of Chicago, 2009.

Поступила в редакцию 19. II 2011

ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС В НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЯХ Л.С. ВЫГОТСКОГО

Е.Ю. ЗАВЕРШНЕВА

Анализируются неопубликованные рукописи из семейного архива Л.С. Выготского, датированные 1914–1917 гг. («Иудаизм и социализм», «Духовный сионизм (об Ахад-Гаоне)», «О сионизме», «Книга фрагментов» и др.). Изучение этих рукописей показывает, что основной темой размышлений Л.С. Выготского в дореволюционные годы был еврейский вопрос. Критикуя политические течения, предлагающие различные решения данного вопроса, он отвергал их и склонялся к тому, что подлинную опору для духовного возрождения еврейской нации можно найти только в иудаизме. Согласно «Книге фрагментов» данная точка зрения сохранялась у Л.С. Выготского и после Февральской революции, до конца 1917 г. Из работы «Иудаизм и социализм» также следует, что накануне революции Л.С. Выготский находился в жесткой оппозиции к идеологии социализма и теории К. Маркса.

Ключевые слова: Л.С. Выготский, семейный архив Л.С. Выготского, еврейский вопрос, кризис, социализм, сионизм, иудаизм, Моисей, «Книга фрагментов».

ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ РУКОПИСЕЙ 1914–1917 ГГ., ХРАНЯЩИХСЯ В СЕМЕЙНОМ АРХИВЕ Л.С. ВЫГОТСКОГО

Несмотря на то что Л.С. Выготский является признанным классиком мировой психологии, в его биографии до сих пор сохраняются «белые пятна». В частности, о его пребывании в Москве во время обучения в МГУ и Народном университете А.Л. Шанявского (в 1913–1917 гг.) имеются весьма отрывочные сведения, в основном формального характера (документы о

поступлении, зачетная книжка и т.д.); что же касается внутренней стороны этого отрезка жизни Льва Семеновича, его замыслов и надежд, то до последнего времени никакой информацией историки не располагали. В библиографии работ Л.С. Выготского на данный период приходится шесть небольших статей и одна рукопись («Трагедия о Гамлете»). Безусловно, и этот объем написанного впечатляет, ведь речь идет о 20-летнем юноше, который посещает не только положенные ему по программе занятия, но также семинары, в том